

В поисках жанра

Когда в 1984 году в Казани вышел поэтический сборник Ркаила Зайдуллы «Кояшлы кузләр» («Солнечные глаза»), все сразу обратили на него внимание. Молодой поэт стремился передать свои мысли без ложной помощи лжемудрых, лжемогучих слов. Он прекрасно понимал, что порывистость чувств, смелая игра мысли требуют разнообразия стихотворной формы — и избегал нудной монотонности. А по прошествии времени обнаружилось, что дарование Ркаила Зайдуллы многогранно: он и публицист яркий, и драматург интересный, и переводчик незаменимый, и прозаик разножанровый. Свой первый рассказ «Пегаля корова» он написал в 1982 году, еще до выхода в свет дебютного поэтического сборника.

Ркаил уже в восемь лет знал, что будет писателем — поставил перед собой эту амбициозную цель. Однако среди его рассказов нет того, который бы запечатлевал посвященный эпизод, иначе — экзистенциально детерминированное самоопределение. Таким образом, неясно, какое именно незабываемое детское впечатление сделало из него писателя: то ли восторг от наступления буйной весны, то ли любование алым рассветом, то ли упоение журчанием родника, бьющего в окрестностях родной деревни Чичканы (Комсомольского района Чувашии). Что заставило мальчика «за счет избытка непонятных чувств» подбирать ко всему этому слова? Вполне возможно, главную роль в самоопределении сыграло знакомство с поэмами Габдуллы Тукая «Су анасы» и «Шурале», прочитанными Ркаилом в дошкольном возрасте, — он помнит: они поразили его воображение.

Как бы то ни было, стихи Зайдулла начал писать рано, в восемь лет. Его первые стихотворные опыты представляли собой подобие заклинаний; в них юный поэт обращался к солнцу, ветру и другим стихиям. Ркаил посылал их в Казань — в пионерские издания «Ялкын», «Яшь ленинчы», но «заклинания» не печатали. И неудивительно, ведь он не рифмовал в духе времени пафосные строки про вождя мирового пролетариата Ленина или трагическую судьбу узников совести — Анжелу Дэвис и Луиса Карволана... Впрочем, начинающий поэт нисколько не расстраивался, ведь в Чичканы из казанских редакций приходили большие конверты с коротким ответом: извините, ваши стихи не соответствуют требованиям, предъявляемым редакцией. Этих внушительных конвертов с печатями и марками хватало, чтобы казаться значительной персоной среди сверстников.

О том, что детские впечатления имеют для Зайдуллы огромное значение, можно судить лишь по одному рассказу — «Пещера». Рассказ этот отнюдь не автобиографический, а иносказательный, тем не менее он дает представление о том, насколько важны для Зайдуллы детские впечатления: покос луговых трав, запах степной клубники, вкус чая, заваренного отцом, нежное

вскрапывание лошади — короче весь уклад сельской жизни, со всеми его красками, запахами и звуками. Главному герою рассказа необходимо сохранить это райское состояние в вечности, для этого он, напутствуемый Хызыр Ильясом, отправляется в далёкое путешествие за секретом лекарства, дарующего вечную молодость. Преодолевая морок и соблазны, герой добирается до пещеры с секретом, после чего сюжет рассказа-параболы возвращает его к любимому отцу, размашисто ведущему косьбу, запаху степной клубники на валках скошенной травы и неумолчному стрекоту кузнечиков. Таким образом, рассказ «Пещера» не случайно открывает книгу прозы «Яблоневый год», ведь именно он даёт нам основание сказать, что Чичканы Зайдулла «всюду возит с собою».

Другой важный этап в становлении писательской идентичности — переход юного дарования на новую ступень развития через приобщение к сообществу избранных творцов, то есть творческая инициация, — также не получил отражения в прозе Зайдуллы. Удивляться этому не приходится, ведь его посвятельные испытания длились недолго: признание он получил довольно рано. Впрочем, нельзя сказать, что без труда.

В отрочестве он много работал над собой: учился писать толковые заметки о тимуровском движении, концертах самодеятельности и прочих проявлениях общественной активности; одновременно много читал — татарскую, русскую, зарубежную классику. Результат не замедлил себя ждать — газета «Социалистик Татарстан» опубликовала его стихотворение о метели. И гонорар Ркаилу в Чичканы пришел солидный по тем временам — три рубля. Любимыми его поэтами в ту пору стали Хасан Туфан и Сибгат Хаким. Интуитивно понимая, что любому неопиту необходим проводник в сакральное пространство литературного творчества, своего рода Хызыр Ильяс от литературы, Ркаил написал письмо Хасану Туфану, в котором назвал себя «Меджнуном татарском поэзии» (то есть влюбленным в стихи). Классик ему не ответил, будучи, по словам Зайдуллы, ленивым, как и положено поэту. (Спустя годы, после смерти Туфана, литературовед Рифа Рахман, разбирая его архив, нашла то забавное письмо.) Нимало не отчаиваясь тем, что гора не идёт к Магомету, в четырнадцать лет Ркаил Зайдулла сам приехал в Казань, чтобы увидеться со своими кумирами: к Сибгату Хакиму нагрянул с визитом домой, а с Хасаном Туфаном встретился в театре — их знакомству посодействовал Фаннур Сафин.

Вскоре, в 1979 году, Ркаила Зайдулла пригласили на зональную писательскую конференцию в Союзе писателей. Зима того года памятна многим трескучими морозами под пятьдесят градусов. По этой причине многие остереглись отправляться в путь, а Зайдулла решился и не прогадал. Помимо того, что на него во время конференции обратили внимание мэтры татарской поэзии, Ильдар Юзеев и Радиф Гаташ, состоялась вторая встреча с его кумиром — Хасаном Туфаном. В память о ней у Ркаила в тетрадке с

юношескими стихами остались пометки, сделанные рукой выдающегося татарского поэта, а ещё фотография: на ней классик держит руку на плече семнадцатилетнего талантливом парня.

После мероприятия в неформальной обстановке у него состоялся знаменательный разговор с аксакалами татарской литературы. «Куда будешь поступать?» — поинтересовались они. «В сельхоз, наверное», — растерянно пожал плечами Ркаи́л. «Только татфак!» — поставил точку в разговоре Туфан Миннуллин. И Ркаи́л внял совету. Так, благодаря вердикту известного драматурга одним посредственным хозяйственником в республике стало меньше.

Как известно, большую роль в творческом становлении писателя играют знаково-символические ресурсы культуры. И Зайдулла в этом, конечно же, не исключение: огромное влияние на него, само собой, оказала русская классическая литература, не меньше он любил американскую — Фолкнера, Хэмингуэя, Сэлинджера, Шервуда Андерсона, О. Генри; французская ему нравилась меньше. Ну а к советской деревенской прозе он приохотился в студенческие годы благодаря своему любимому университетскому преподавателю — замечательному писателю Магдееву. Мухаммад Сунгатович преподавал на факультете татарской филологии парадоксальный, по словам Зайдуллы, предмет — русскую литературу XX века... на татарском языке. Он был настолько интересным лектором, с великолепным чувством юмора, что на его лекции приходили студенты других, негуманитарных, факультетов. Именно Магдеев открыл Зайдулле творчество писателей-деревенщиков: Астафьева, Шукшина, Распутина, Белова. Тесным неформальным отношениям признанного писателя и молодого поэта способствовала совместная деятельность в ЛИТО «Аллюки»: Мухаммад Сунгатович был его куратором, а Ркаи́л старостой; им часто приходилось совместно ездить на творческие встречи в учебные заведения и сельские районы.

Вполне вероятно, влияние Магдеева сыграло свою роль в том, что Зайдулла как прозаика отчасти верно будет определить как «деревенщика». Среди рассказов, представленных в книге «Яблоневый год», примерно треть — о деревне (например, «Сто рублей», «Армянская Сююмбике», «Домовой»), еще одна треть — о выходцах из деревни, опрометчиво переехавших в город и тем самым сломавших свою судьбу («Дитя», «Пегая корова», «Бездомная» и др.). Не все из этих рассказов укладываются в прокрустово ложе расхожей истины «Деревня лечит — город калечит», во-первых, потому, что и в деревне «нет мира под оливами» из-за иррациональности человеческой природы, во-вторых — вследствие специфики деревни Чичканы, жители которой в основном служат Зайдулле прототипами (порой он сохраняет их реальные имена и прозвища).

Особенность этой деревни заключается в том, что ее жители, как и прочих деревень на территории Чувашии, были малоземельными и потому издревле занимались отхожим промыслом: плотничали в Пермском крае и Сибири. В советское время, когда отходничество стало называться словом «шабашка», студент Ркаил во время каникул вливался в артель односельчан и отправлялся с ними в другие регионы России строить коровники и свинарники. «Я наблюдал настоящую жизнь с этими суровыми людьми, — говорит Зайдулла. — Они напоминали мне босяков Горького и авантюристов Джека Лондона».

Правда, в рассказе «Ахияр и Аллá» писатель делает другое сравнение: «с виду суровые, как мордва, и упрямые, как чуваша». Ещё одна особенность свойственна уроженцам деревни Тиресле (в переводе с татарского «унавоженная», но Ркаилу ближе диалектное значение — «упрямая») — любовь к лошадям: «Настоящий мишарин никогда не брался за работу, если на заработанные деньги нельзя было купить коня». Без труда можно догадаться, что за вымышленным топонимом Тиресле Зайдулла прячет родные Чичканы — свою писательскую Атлантиду. Одержимость лошадьми — устойчивый мотив его прозы (рассказы «Где остался Нишапур», «Женщина с дурным глазом, или Отмщение любовью», «Ахияр и Аллá», «Пещера», повести «Нам, татарам, всё равно», «Золотая ложка дождя»).

Таким образом, тема простого, порой маленького, человека является одной из основных в прозе Ркаила Зайдуллы. Герои его рассказов подлежат обработке средой: положительных тревожат вопросы элементарного выживания, а отрицательных — статусная и имущественная приобщённость к социуму. Вторые, как правило, безжалостны по отношению к первым. «Представителей своего народа — татар, — отмечает Алёна Каримова. — Зайдулла описывает честно: с любовью и нежностью, но объективно — изображая не только достоинства, но и недостатки. В этих рассказах за мягким юмором или нехитрым лирическим антуражем мы различаем серьёзные, а порою и горькие размышления о времени, смене эпох и судьбах страны».

Особенно хороши среди деревенских рассказов Зайдуллы отмеченные влиянием магического реализма — «Цветок папортника», «Белая собака», «Короткое замыкание», «Женщина с дурным глазом, или Отмщение любовью» (данные рассказы образуют цикл, объединённый сквозными персонажами). Ркаил начал писать в этом жанре в начале нулевых, с полным пониманием сути метода магического реализма: не создавал мир сказки, но описывал обыкновенный мир прозаической повседневности, который, однако, содержит в себе вторую, загадочную и необъяснимую сторону. И в этом ему помогали опять-таки Чичканы, пропитанные язычеством чувашской земли, — сама реальность деревни здесь органически «чудесна».

Когда в 1985 году Ркаил Зайдулла окончил татфак университета, в отечественной литературе начался новый период — «перестроечный».

Считается, его самой отчётливой чертой стало освобождение от идеологии, но скорее «именно идеология, точнее, война идеологий обеспечила взлёт литературы конца 80-х». В этой ситуации исторического и культурного взрыва начало обновляться и татарское писательское сообщество. Для него стали характерны политизированность и постколониальный дискурс.

Охваченный, как многие его соплеменники, эйфорией, писатель в те годы ходил на митинги ТОЦ, произносил пламенные речи. Поэтому в стихах того периода ему был свойственен публицистический накал: он воспевал величественное прошлое народа, призывал татар к чувству собственного достоинства. По иронии судьбы тогда, в 1988 году, он был принят в Союз писателей СССР и получил премию Ленинского комсомола за свою вторую книгу стихов «Курэзэ» («Предвидение»). «От стихов поэта веет здоровьем мятежного духа, — характеризовал творческую манеру Ркаила поэт Рустем Кутуй. — Беспольных, проходных строк у него нет. Он ощупывает свою корневую систему, а не шарит попусту руками, не восклицает, но говорит о необходимом, а это глубинное, прочувствованное проживание, не мельтешение на подмостках. Мосты держать важнее». Что касается декларативных стихов периода «бури и натиска», то они вошли в сборник 1995 года «Урыс кышын озату» («Проводы русской зимы»).

В этой политически наэлектризованной обстановке сложно было сохранить свою творческую индивидуальность и не начать писать на остросоциальные темы: про ГУЛАГ, кремлевскую мафию, кровавых кагэбэшников, коррупцию и прочее. Тем не менее в прозе дань политической конъюнктуре Зайдулла отдал всего лишь одним рассказом-памфлетом «Йорт» («Сановный дом»). В нём он использован хорошо знакомое казанцам учреждение на Чёрном озере, сделав его зловещим символом тирании — Домом, построенным в середине XVI века (время падения Казанского ханства) рядом с Гнилым озером: он пропитан запахом гнили, хотя и «подгримирован» красной краской; часы на его фасаде остановились в 1937 году. Под натиском разъярённых народных масс сановники «перестраивают» Дом — красят его стены в белый цвет, но одновременно с этим приказывают «заслуженным бетонщикам» республики построить на пути народа дамбу. В результате запаха гнили в Доме становится больше...

Лобовые метафоры, легко считываемые поверхностные аллюзии... Так случается, когда сочинитель позволяет идеологии полностью заполнить своё мировосприятие — тогда она парализует в нём «основной жизненный нерв», делающий возможным художественное творчество. Ведь искусство, как мудро заметил в своё время Ходасевич, возникает с первым проблеском мысли, исчезая там, где загадки разрешены. Между тем любая «политграмота» учит абсолютной истине и, заражая своих адептов уверенностью в обладании ею, делает их решительно неспособными к искусству: разгадывать становится нечего.

К счастью с Зайдуллой этого не произошло. Свидетельством выбора в пользу неоднозначности истины является рассказ «Тюбетейка для Ельцина» (единственный автобиографический из представленных в книге). В нём повествуется о встрече Ельцина с писателями Татарстана — той самой, во время которой была произнесена историческая фраза «Возьмите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Ркаил стремится попасть на эту встречу, чтобы удовлетворить «писательский зуд». В актовом зале «от обилия влажных преданных взглядов, направленных на сцену», у него кружится голова, тем не менее он внимательно наблюдает за Ельциным — человеком, который открыто обещает уничтожить командно-административную систему: «В самом ли деле это великая личность или это просто шустрый политикан, вытолкнутый на поверхность его величеством случаем?» Писатель отмечает, что у председателя Верховного Совета РСФСР не очень привлекательная внешность: «Небольшие глаза, одутловатое лицо, сжатые губы вызывают в душе настороженность и отчуждение». Но — странное дело — Зайдуллу прежде всего интересует своё внутреннее состояние, а не ельцинские жесты, выражение лица и манера говорить. Он пытается понять: почему, помимо своей воли, на власть имущих мы смотрим как-то иначе, другими глазами? что за таинственная сила от них исходит?..

Художественной удачей можно счесть и отклик писателя на присоединение Крыма к России — рассказ «Дорога в Крым». История сибирской деревни Казанлык (Котловина) в нём построена по мифической схеме: сотворение во времена хана Кучума; расцвет — сюда приезжают бухарцы учить казанлыкцев исламу, затем прибывают казанцы, по большей части торговые люди; эпоха прозябания — когда связь с большой землёй осуществляется только зимой по санному пути и летом по реке, точнее — по протоке-арыку, которую в незапамятные времена велел прорыть бухарский шейх; наконец, потоп — мощное весеннее половодье уничтожает Казанлык: спастись не удаётся никому! Однако автор волею воображения дарует казанлыкцам шанс на спасительный исход в Крым: вызывает из небытия призрак покойного приятеля — сибирского татарина Булата — и добродушно иронизирует над его историческими грёзами. Приятель рад тому, что Крым «отжали у хохлов», однако считает его возрождение невозможным без татар, причём именно сибирских, шайбанидов — потомков хана Кучума.

Пожалуй, этот рассказ единственный, а котором Зайдулла позволил себе игровое постмодернистское отношение к истории — она, со всеми её хитросплетениями, есть то, что чудаки с богатым воображением о ней сочинили. В основном же писатель проявлял серьёзный подход к изображению исторических событий. Став в 1989 году редактором отдела прозы молодёжного литературно-художественного журнала «Идель», Ркаил начал вести на его страницах рубрику «Каланча Зайдуллы»; в ней он поднимал темы, востребованные соплеменниками как в республике, так и за ее

пределами, показывал им величие и трагизм истории своего народа. Это ему блестяще удавалось благодаря эрудиции, ведь историей он интересовался с детства.

Однако в рамках публицистики Ркаилу всё же было тесно, и он начал писать историческую прозу — традиционную, с опорой на факты, не противоречащие научно-объективному изображению истории, и с воссозданием колорита былых времён: рассказ «Тэнре клычы» («Меч Тенгри»), повесть «Шах Али». Все они вошли в книгу прозы «Иль» («Родина»), выпущенную Таткнигоиздатом в 1999 году. Также он издал для детей книгу «Татар тажы» («Татарская корона»), куда вошли «маленькие рассказы о великих людях».

В книге «Яблоне́вый год» такого рода рассказов нет. «Старик в белой епанче» скорее притчевое произведение, чем историческое. В нём Зайдулла с целью концентрированного выражения истории подвергает компрессии расцвет и падение Казанского ханства, отражая их в судьбе вымышленного героя — или антигероя? — Барбулсына. Этому юноше, потомку мурзы Тимяша, Хызыр Ильяс трижды даёт шанс стать опорой государства (раз за разом всё менее значительный). Однако в правление Сафы-Гирея Барбулсын предпочитает наслаждаться обществом наложниц и друзей, разбрасывая деньги направо и налево. Когда московский князь в качестве «хомута» направляет в Казань хана Шигали, потомок мурзы, сбитый с толку евреем Ароном, решает заняться прибыльной торговлей. Даже захват москвитями Горной стороны и строительство ими крепости в устье Свияги не приводят Барбулсына к осознанию своего предназначения — на последние медные гроши он спешит к Таировой бане, расположенной в устье Булака, потом — в кабак. Там Барбулсын узнаёт об участии своей матери и сестры, давно им забытых: обе в неволе, крещены и носят русские имена — Анастасия и Марфа.

Несколько прямолинейная нравоучительность рассказа «Старик в белой епанче» сглаживается благодаря авторским отступлениям, в которых повествователь с высоты современности комментирует злоключения Барбулсына и размышляет о смысле истории: из неё, по его мнению, невозможно извлечь уроки, и «человечество, подчиняясь каким-то космическим законам, всё время повторяет свои ошибки». Таким образом, используя приём рядоположенности разных временных пластов, писатель размыкает эпоху пятисотлетней давности, представляя её как актуальное «здесь и сейчас».

Как видим в новой книге прозы Зайдуллы представлены совершенно разные по тематике и жанру рассказы. Среди них есть триллер («Сова под дождём»), парочка рассказов казанского колорита («Ангел», «Назира»). Несколько посвящены не столько любви, сколько иррациональности женской природы: мстительности («Охота»), изощренной хитрости («Яблоне́вый год», «Ключ под ковриком»), импульсивной непредсказуемости («Проклятый»),

мощному выбросу энергии пола («Женщина»; героиня этого рассказа носит имя богини красоты и плотской любви — Венера). Имеются и рассказы для детей.

Нет только метапрозы — произведений, где был бы тематизирован процесс творчества через мотивы сочинительства, жизнестроительства, литературного быта и т. д. Правда, Зайдулла изредка появляется в своих рассказах — в роли отстранённого ироничного наблюдателя («Дырка от бублика», «Поздно», «Назира»), но в целом предпочитает быть «вненаходимым» автором.

В повести «Нам, татарам, всё равно» он выводит своего текстового двойника в образе поэта Бугры, всё того же «инсайдера», включённого наблюдателя. Впрочем, привычные литературные роли: романтического поэта-гения, пророка, учителя жизни — на фоне трагедии, происходящей в деревне Кукуй, были бы неуместны. Там агрохолдинг, возглавляемый казанским бандитом (по совместительству депутатом) Кащеем, обманом захватывает земельные паи сельчан, отбирает скот и всю технику, печатывает пилораму и мельницу, самое ужасное — четыреста гектаров полей налитой золотом пшеницы травит ядохимикатами... Наконец — верх цинизма — желая купить расположение кукуйцев, Кащей на исходе лета затевает грандиозный сабантуй.

На это мероприятие и приглашает Бугру в качестве рифмоплётателя странный человек: ни его имени, ни обстоятельств знакомства с ним Бугра вспомнить не может. В памяти хранится лишь его беспрестанно смеющийся рот («Ему привиделся клоун, дразнивший его нарочито трагической гримасой с заломленными бровями и печальной трубочкой губ»). Этот Рот напоминает зловещего Джокера из одноимённой кинодрамы — персонажа, олицетворяющего непредсказуемость и случайность, мир без правил и границ.

Так что социально-критической повесть «Нам, татарам, всё равно» можно назвать лишь отчасти — повествование насквозь продувается «метафизическими сквозняками». Взять портрет миллиардера Кащея: «...вблизи от него веет могильным холодом. Глаза — две бездонные космические чёрные дыры: если засосут в себя, ничего не останется, даже пряжки от ремня!» А в дубовой роще рядом с Кукуем, на месте старой чувашской керемети, есть портал — коридор в параллельный мир.

Жанр другой повести, «Золотая ложка дождя» («Алтын кашыклы яңгыр») тоже трудно определим. В полной мере к социальной фантастике или антиутопии ее отнести нельзя. Повествование хоть и основано на футурологическом допущении (татарскую деревню поглощают китайцы), в полную меру развернуться ему не дают длинные флешбэки — воспоминания главного героя об истории деревни, где в пору его детства кипела самобытная жизнь. Он возвращается на родину из далёкой Турции глубоким стариком и

застаёт там не более десятка татарских семей. В добротных, построенных татарами с расчётом на внуков и правнуков, домах живут китайцы — народ, не поддающийся ассимиляции и сам готовый растворить кого угодно; главой местной администрации назначен улыбчивый Су Тун; обязанности его помощника (по совместительству шофёра) исполняет Гата Хуа — сын китаянки и татарина. Его ничуть не тревожит, что русский и татарский в деревне вытеснил язык Поднебесной, что на торжествах звучат китайская музыка и стихи о закате в долине Хуанхэ, что в столовой подают рис с добавлением непонятных специй и палочки для еды. К списку новшеств, которые китайцы привнесли в обиход татарской деревни, можно добавить ещё одно — старики массово занимаются физкультурой на лоне природы. На этом всё! Ничего из технологий XXI века: ни роботов-полицейских, ни цифровых денег, ни социального рейтинга, ни биометрической идентификации для доступа к товарам и услугам. Единственное, в чём Зайдулла видит смертельную опасность, — ассимиляция и потеря языка. Этим его повесть «Золотая ложка дождя» похожа на антиутопию Гаяза Исхаки «Исчезновение через двести лет».

Туган тел... Зайдулла владеет всеми его красотами, нюансами и лексическими пластами. Может извлечь из-под спуда всеми давно забытую пословицу или арабизм и дать им новую жизнь, как это, например, произошло с архаичным «тэкьдир» (судьба, рок, предначертание), когда он переводил для ТГАТ им. Г. Камала пьесу «Жизнь есть сон» испанского драматурга XVII века Кальдерона. Однако более всего Ркаил любит диалектизмы с древнетюркской основой, именно их он обильно использует в своей прозе. При этом избегает, орнаментальности, «плетения словес» — длинных предложений, а также обилия метафор, приберегая их для стихов. «Ржаной хлеб с солью» — так характеризует стиль Ркаила в прозе переводчик Гульсира Гайнанова.

Ради татарского языка, дабы вопрос его сохранения перестал «размываться танцами и песнями», в 2019 году Зайдулла стал депутатом Госсовета РТ и вошел в состав комитета по образованию, культуре, науке и национальным вопросам. Вскоре он приобрел среди журналистов репутацию «героя самых громких речей в парламенте на тему защиты родного языка и культуры», которому «позволяется больше, чем остальным коллегам по депутатскому корпусу».

Что ж, *homo scribens* тем и отличается от других, что театрализует свое поведение: имидж литератора не в меньшей степени значим, чем его художественные произведения. В создании своего яркого образа Ркаилу помогает колоритная внешность — он похож на Куприна. Роднил его с русским классиком из рода татарских мурз в молодые годы также и бурный несдержанный нрав. Однако с возрастом Зайдулла отошёл от роли поэта-дервиша, блаженного и бесноватого одновременно. Ныне более привлекательной ему кажется репутация «рабочей лошадки».

Действительно, в работоспособности Зайдулле невозможно отказать. Он является автором тринадцати книг стихов, поэм, рассказов, исторических повестей, пьес, детской прозы и публицистики. Его произведения были переведены и публиковались в различных изданиях на английском, русском, турецком, узбекском, чувашском, башкирском, чеченском языках. Министерство культуры Республики Татарстан, оценив заслуги Ркаила Зайдуллы перед татарской культурой, в 2007 году присвоило ему звание заслуженного деятеля искусств РТ, в 2010-м удостоило Тукаевской премии за сборник стихов «Мэгарэ» («Пещера»), а в 2019-м— звания «Народный поэт Республики Татарстан».

Разумеется, при таком обилии регалий есть опасность «забронзоветь» и, как следствие, застыть в творческом развитии, то есть превратиться в графомана, чьи приемы, темы и мотивы малоинтересны шаблонной вторичностью. Однако новая книга «Яблоне́вый год» даёт надежду на то, что Ркаил Рафаилович продолжит экспериментировать, находясь, по выражению доктора филологических наук Дании Загидуллиной, «в непрерывном образном и концептуальном диалоге» как с традициями татарской литературы, так и мировой.

Галина Зайнуллина,
кандидат искусствоведения